

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ: САРТАКОВСКИЙ СПОР О ПРАВЕ НА ПРИЧИСЛЕНИЕ КАК ОБРАЗЕЦ ВНУТРИКРЕСТЬЯНСКОГО КОНФЛИКТА СТОЛЫПИНСКОЙ ПОРЫ

Авторы предпринимают ситуационный анализ одного из наиболее драматических случаев документированных столкновений между переселенцами и старожилами в Сибири начала XX в. Камнем преткновения стал вопрос о праве переселенцев на причисление к сельскому обществу против воли последнего. Источниковую основу составляют документы, исходящие от обеих противоборствующих сторон, а также от чиновников различных ведомств (имевших разные взгляды на методы решения конфликта). Документы позволяют изучать события, тянувшиеся с 1910 по 1916 г. За эти годы конфликт прошёл три стадии, из которых последняя ознаменовалась двойным убийством. Но наиболее важны первые две стадии, в ходе которых устанавливается хрупкое равновесие – не столько баланс интересов, сколько «баланс недовольства». Эта картина позволяет понять механизм разрешения конфликтов в тех случаях, которые не попали в полицейские сводки.

Ключевые слова: столыпинское переселение; новосёлы и старожилы; крестьянские конфликты; причисление к сельскому обществу; волостное самоуправление.

В июне 1916 г. в небольшом западносибирском селении поблизости от Транссиба произошла кровавая развязка спора между крестьянами, тянувшегося несколько лет. Происхождение этого спора обусловлено знаменитым столыпинским переселением, но не само переселение является предметом изучения. Суть событий – борьба группы крестьян за право стать частью сельского общества, которое их к себе принимать не захотело. В дело включается и обычный механизм крестьянского самоуправления (сельский сход, волостной старшина и волостной суд), и государственная власть (до губернатора включительно), но вся эта система не предотвращает двойного убийства.

Известно, какое впечатление произвело российское самодержавие конца XIX в. на американского журналиста Джорджа Кеннана: государство в России – повсюду, без него нельзя и шагу ступить. Образ этот, хотя и подвергнутый сомнению сто лет спустя Стивеном Фрэнком [1], сохраняется и поныне. Сартковский случай отлично показывает ограниченность действительного воздействия власти не в случае «политических преступлений» (раскрытие которых важно для самой власти), а при нарушении собственно крестьянских интересов. Не только в борьбе с природой, но и с нарушителями порядка крестьянам приходилось полагаться, прежде всего, на себя. Осознание этого явления важно для понимания того общества, с которым Россия встречала новый век и которое большевикам пришлось долго перестраивать в 1930–1940-е гг.

Социальные конфликты в деревне – одна из важных тем для советских историков. Преимущественное внимание при этом уделялось борьбе крестьян против государства, но в качестве «второй социальной войны» отмечались и противоречия внутри крестьянства. Планомерная работа увенчалась составлением хроник крестьянского движения, в том числе отдельных – для Сибири [2, 3]. Авторы ставили задачей описать столкновения возможно более полно, используя даже краткие упоминания о событиях.

Конфликты между старожилами и новосёлами как элемент массовых переселений в Сибирь в конце XIX – начале XX в. отмечались и современниками, и исследователями аграрной сферы региона. Иногда они принимали массовый характер, как это имело

место в Енисейской губернии в 1912 г., Барнаульском и Змеиногорском уездах Томской губернии в конце 1912 – начале 1913 г. [3. С. 166, 169–170]. В конце 1960-х гг. Л.М. Горюшкин определил эти выступления как проявления второй социальной войны против кулачества: «Работая в первые годы по найму, переселенцы стремились завести собственное хозяйство, и их субъективные интересы во многом были направлены на борьбу за хозяйственную самостоятельность. В частности, это проявилось в форме борьбы новоселов и старожилов. Но за этой формой скрывалась объективная антикапиталистическая направленность. Дело не в противоречиях новоселов и старожилов как таковых, а в классовых разногласиях, которые возникали между беднейшей и зажиточной частью тех и других. Не все переселенцы боролись против старожилов, как и не все старожилы являлись эксплуататорами новоселов» [4. С. 333].

В хронике крестьянского движения, подготовленной под руководством Л.М. Горюшкина, столкновения старожилов и новоселов квалифицируются применительно к 1907–1914 гг. как переходная форма второй социальной войны с уточнением, что «при сопротивлении землеустройству переплетение черт двух социальных войн нашло отражение в отказах старожилов принимать переселенцев на излишние земли» [3. С. 68].

В обобщающем исследовании сибирского крестьянства периода капитализма В.Г. Тюкавкин отмечал массовые выступления переселенцев, «...недовольных переселенческой политикой царизма и произволом чиновников. Новосёлы требовали увеличения ссуд, отвода лучших наделов из пустовавших казенно-оброчных статей, лесных дач и запасных участков». Но, с другой стороны, автор фиксировал стремление старожилов использовать безвыходное положение неприписанных новоселов, что выразилось в увеличении платы за аренду земли, выпас скота» [5. С. 247, 235].

Одному из авторов настоящей статьи уже доводилось высказывать свой взгляд на противоречия между старожилами и переселенцами рубежа XIX–XX вв.: «Первоначально, пока маховик переселений только набирал обороты, старожилы были заинтересованы в причислении новоселов к своим сельским обществам,

поскольку это создавало рынок дешевой рабочей силы», но по мере нарастания миграционного потока «старожилы начинают воспринимать переселенцев как захребетников и требовать их водворения на свободные земли» [6. С. 95, 96]. Противоречия эти столь значительны, что можно констатировать наличие своеобразного старожильческо-переселенческого фронта в этот период.

Продолжением дореволюционного (идущего от чиновников) подхода к конфликтам старожилов и переселенцев, с отказом квалифицировать их как проявление второй социальной войны, стала позиция барнаульских историков-аграрников. Ссылаясь на источники, они отмечают многочисленные факты «притеснений, осуществлявшихся старожилами по отношению к новоселам». К тому же «массовый приток мигрантов из внутренних губерний страны приводил к ломке привычного уклада старожилов» [7. С. 145–146; 8. С. 179–194]. С иных позиций пытаются рассматривать это явление некоторые омские историки. По их мнению, оно связано с проблемами ментальности и адаптации основных социальных групп региона к изменяющимся условиям природной и социальной среды. Поэтому «важнейшим условием формирования моделей территориального поведения является неповторимое сочетание на данной территории природных, климатических, экономических, геополитических, социокультурных и иных факторов, имеющих долговременный характер» [9; 10. С. 66].

Классик советской историографии дореволюционного периода Б.Г. Литвак, подводя итоги этой работы, указывал, что именно наличие массовой статистики позволяет делать доказательные суждения [11]. В то же время среди историков крепко представление о том, что «вся история крестьянства – это история местная» (но служащая объяснению крупных явлений) [12. Р. 944]. В начале XXI в. российские и зарубежные историки работают на уровне не только отдельных регионов, но даже отдельных волостей и селений [13–16].

Работа такого рода затруднена скудостью документов, подробно отражающих жизнь простых людей. В упомянутой выше хронике с июня 1907 по июль 1914 г. зафиксировано 31 столкновение; из них некоторые были разрешены мирно, с использованием правовых процедур. Так, в 1909 г. в д. Оселки Кузнецкого уезда 6 семей переселенцев самовольно поселились на кабинетские земли. Они были выселены по постановлению мирового судьи. В 1910 г. в с. Битковском Барнаульского уезда старожилы отказались допустить на лишние земли своего надела 10 переселенческих хозяйств. В ответ на это администрация отобрала излишки надельной земли. Зачастую конфликты перерастали в открытые вооруженные столкновения, как это произошло в 1909 г. в пос. Константиновском Каинского уезда, где на почве размежевания земель между старожилами и переселенцами произошли кровавые столкновения. Несколько человек получили ранения.

Лишь в виде исключения наличные документы позволяют составить исчерпывающую картину про-

изошедшего. Сартаковский случай – один из таких редких примеров. В обширном фонде Томского губернского управления нам удалось обнаружить целое дело, посвященное Сартаковскому противостоянию¹. Эта подборка достаточно подробна, чтобы мы могли использовать столь популярный среди экономистов метод ситуационного анализа (case study) и досконально изучить все стороны Сартаковского дела, выяснить не только события, но и побуждения всех участвующих в деле сторон. Большинство споров, подобных Сартаковскому, кануло в лету, и лишь самые острые случаи отразились в документах, сохранившихся в фондах учреждений. Эти единичные случаи позволяют понять целый класс явлений, который не учитывался статистикой и может быть выявлен только изучением отдельных случаев.

Столкновение в Сартаково служит отличным материалом для применения источниковедческих навыков. Каждая сторона представляет своё положение так, что вызывает острое сочувствие. Тем не менее описания эти – взаимоисключающие. Невозможно, чтобы каждое из них содержало «правду, всю правду, и только правду». Задача здесь не столько в том, чтобы отмерить «середину» между двумя истинами, сколько в том, чтобы учесть всё разнообразие обстоятельств и доводов, которые влияют на действия каждой из сторон (старожилы, переселенцы, власть, притом что каждая из этих групп неоднородна).

Переселенцы или старожилы? Прежде всего, обратим внимание на место действия. Выяснение географических подробностей в данном случае позволяет сделать немаловажные выводы общественного свойства. Согласно «Списку населённых мест Томской губернии на 1911 год» (с. 258–261) в Федосовской волости есть только одно селение с названием, близким к искомому. Оно названо «заимка Сартакова» и помещено в раздел «переселенческие посёлки». Селение не бедное: есть маслодельный завод и две мелочные лавки. В Сартаковой значится 80 дворов, 178 наличных душ мужского и 196 женского пола, на них приходится 1345 дес. земли. При 15-десятинной норме такой надел предназначался бы примерно для 90 душ, что совпадает с числом членов сартаковского общества, имеющих право голоса на сходах 1915 г.

Иначе изображает положение дел подробная (на 14 листах) переселенческая карта 1911 г. (рис. 1). Согласно расцветке карты д. Сартакова отнесена к числу старожильческих; переселенческие участки начинаются сразу за сартаковскими владениями.

Такое противоречивое сочетание картографических и списочных данных можно объяснить следующим образом: Сартакова – деревня «новых старожилов» из числа бывших переселенцев. Проверить это предположение позволяют две карты 1900 г. и Список населённых мест Томской губернии на 1899 г. На карте Томской губернии 1900 г. из коллекции В.И. Анучина (рис. 2) Федосовское селение находится легко, деревни же Сартаковой нет.

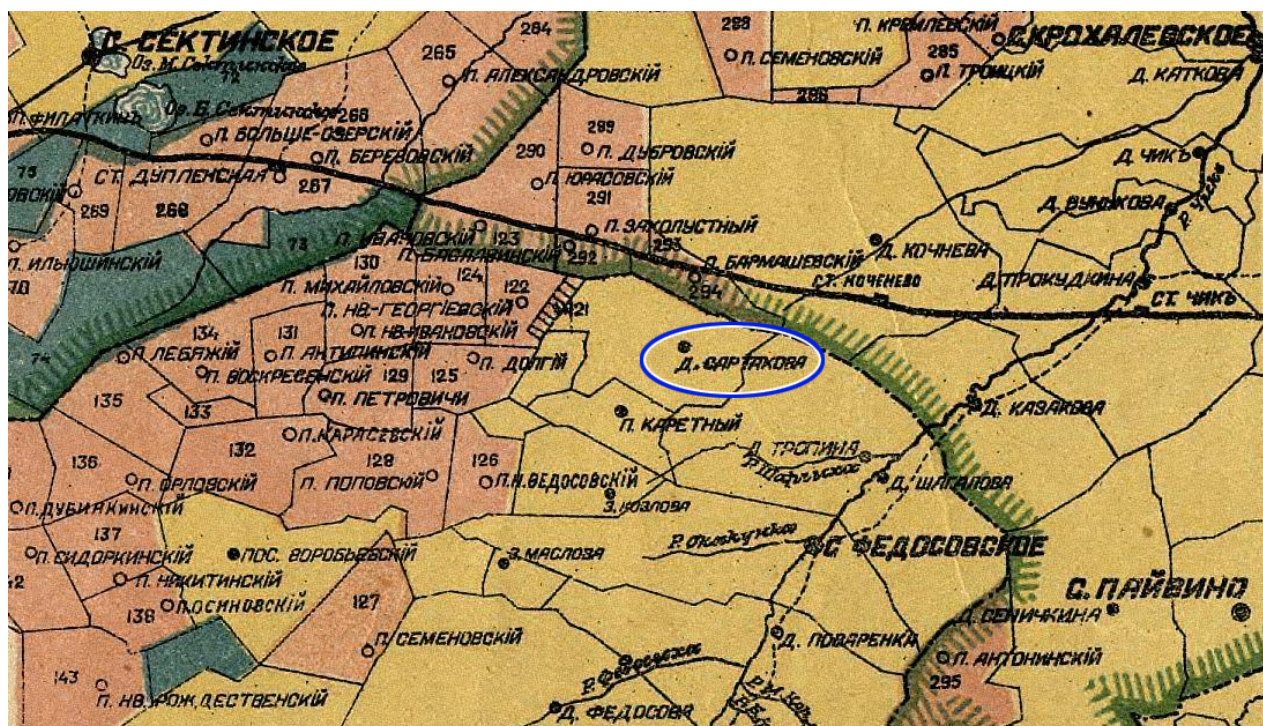

Рис. 1. Фрагмент карты Томской губернии, составленной Томской переселенческой районной организацией в 1911 г. (Библиотека Томского краевого музея, № 392), с показом д. Сартаковой

Рис. 2. Фрагмент карты Томской губернии, составленной в Томской губернской чертёжной в 1900 г. (из коллекции В.И. Анучина; Библиотека Томского краевого музея, № 815), с показом с. Федосовского

Рис. 3. Карта Алтайского округа ведомства Кабинета Е.И.В., составленная в чертёжной Главного управления округа в 1900 г. (Библиотека Томского краевого музея, № 587), с показом с. Федосова и д. Сартаковой

Что ещё важнее – не названо Сартаковское поселение и в списке населённых мест Томской губернии

1899 г. Село Федосовское (будущий волостной центр, которому подчиняется Сартаково) относится к Екате-

рининской волости (с. 448–453). Ни в этой ни в других близлежащих волостях Сартаково не упомянуто. Но на карте Алтайского округа за тот же 1900 г. (см. рис. 3) неподалёку от Федосова мы находим и деревню или заимку Сартакову. Существование её в этом году несомненно. Нестыковка между двумя картами 1900 г. вполне логична: Алтайский округ был официально закрыт для переселений; поселение на его землях было покушением на имущественные права государя-императора, поэтому окружное руководство имело основания более пристально следить за вновь возникающими поселениями.

Карты ясно показывают, что расстояние от Сартаковой до железнодорожной ст. Кочнево (Коченёво – нынешний райцентр Новосибирской области) в любом случае меньше, чем до волостного центра (последняя цифра известна из Списка населённых мест: 18 вёрст). Сартаково – первое поселение по пути от ст. Кочнево на юго-запад.

Таким образом, ясно, что д. Сартакова обязана своим появлением Транссибу. Поселение возникло в 1899 или 1900 г. К 1909–1910 гг. основатели селения уже успели обжиться и потерять 10-летнюю податную льготу, т.е. и в хозяйственном смысле, и в юридическом сравняться со старожилами. Показательно, однако, что понятие «старожилы» не используется сартаковскими крестьянами и почти не используется чиновниками. Захватчики сартаковских земель многократно в разных документах названы переселенцами. Те же, кто им противостоит, обозначают себя обтекаемо: «общество», «общественные». И в памяти чиновников, и в их собственном восприятии они ещё оставались переселенцами, а Сартакова – переселенческим селением.

Незаконное приселение и неправильное причисление. Как раз на исходе 1910 г. до д. Сартаковой добралось межевание. Землеустроители впервые устанавливали на сибирских просторах точные границы земельных владений каждого сельского общества. Известно, что право на земельный надел в составе общества могли получить не только полноправные члены этого общества, но и неприписанные – при условии, что у них есть собственное хозяйство. При отсутствии хозяйства достаточно было приёмного приговора от общества. Из разъяснений Переселенческого управления, данных в 1912 г. (л. 15–16), мы знаем, что не за всеми жителями д. Сартаковой землеустроители признали право на надел.

Гавриил Бакулин, Фрол Васильев и ещё «86 душ» (значит, два десятка семейств) в надельный список зачислены не были. Следовательно, приёмного приговора они не имели и самостоятельного хозяйства не вели. В то же время дальнейшая их страстная борьба за землю показывает, что они не были ни ремесленниками, ни торговцами. Остаётся предположить, что переселенцы жили в батраках у сартаковских хозяев. Возможность поработать первые годы в чужом хозяйстве, обустроить дом и только потом приступить к работам на собственном наделе была важным доводом в пользу приселения к уже существующим обществам. Правительство рекламировало российским

крестьянам отдельные участки, отмежёванные специально для переселенческих посёлков. Но крестьяне понимали, что за компанию со старожилами устроиться проще.

Как показывал в 1915 г. Виктор Рыбаков (к тому времени уже бывший сартаковский староста), самовольцы вместе с семьями поселились в Сартаково в 1908 г. (л. 53)². То был год высокого всплеска переселенческого движения. Усиленная реклама сибирских просторов дала результат, превзошедший ожидания самого правительства и возможности межевых партий. Крестьяне из малоземельных губерний стремились в Сибирь, зачастую игнорируя систему организации ходаческих и переселенческих партий; Западная Сибирь была наводнена самовольными переселенцами, отчаянно пытающимися устроиться хоть куда-нибудь. Только что отмежёванные переселенческие участки распределялись по квотам между конкурирующими губерниями и уездами Европейской России. В этих условиях возможность пристроиться хотя бы в батраки к старожилам означала не самую злую долю.

Более того, есть основания полагать, что непричисленные переселенцы происходили из тех же мест, что прибывшее ранее. Во всяком случае, фамилия Мосолов³ встречается по обе стороны сартаковской баррикады. Михаил Мосолов – один из непричисленных переселенцев, учтённых в Сартаковой на исходе 1910 г. Он же – один из активистов переселенческой борьбы в 1915–1916 гг. С другой стороны, среди тех, кто 14 сентября 1915 г. перечислял становому приставу обиды со стороны переселенцев, оказались Никанор Григорьевич Мосолов (сартаковский пастух) и Емельян Мосолов (л. 56 об., 57 об.)⁴; в числе подписавших один из общественных приговоров встречается Григорий Мосолов (л. 51–52). С высокой степенью вероятности можно предположить если не близкое родство, то общие корни Михаила и его противников. Переселение «по наводке» прибывших ранее – обычное дело в сибирских переселениях конца XIX – начала XX в. Из Сартаково тянулись нити в разные уголки Европейской России: Михаил Мосолов происходил из Самарской губернии, Ченские – из Тульской, Васильевы – из Казанской, Бакулины и Кутенковы (односельчане) – из Орловской губернии (л. 6–6 об.). Но если не все, то некоторые из связей действовали, по видимому, на протяжении многих лет.

В таких-то условиях к сартаковцам и прибыли межевщики. Одновременно с размежеванием под новые посёлки нетронутых полей и лесов межевые партии проводили землеустройство старожильческих селений в поисках «излишков» против 15-десятичной нормы. Такое землеустройство и состоялось в Сартаковой на исходе 1910 г., излишки были обнаружены⁵. Обычно в таких случаях обществу предлагали сохранить надел, но с обязательством допринять новых членов соответственно площади «излишка». В данном случае кандидаты в новые члены общества уже были налицо (Гавриил Бакулин и его товарищи), поэтому чины поземельно-устроительной партии предложили «на излишние земли, включённые в надел, не причислять

новых членов по приемным приговорам (т.е. по воле общества. — *Авт.*), а причислить недостающее число по протоколам крестьянского начальника (т.е. независимо от воли общества. — *Авт.*); в этих целях был составлен список непричисленных переселенцев, имеющих право быть причисленными» (л. 17–17 об.). Томская казённая палата, воплощая предложение землеустроителей, постановлением от 7 января 1911 г. причислила Бакулина и его товарищей к Сартаковскому обществу.

Однако это решение не было утверждено поземельно-устроительной комиссией, которая «решила поддержать перед общим присутствием губернского управления ходатайство общества о сохранении в границах надела земельного излишка, но с обязательством допринять на него по приемным приговорам». Значит, сартаковцы согласились считать свой надел «излишним» и принять новых членов — каких-нибудь, только не тех, что уже живут. Как вариант можно было бы допустить, что они собираются допринять своих подросших детей, но этот логичный и законный довод нигде в дальнейших документах не упоминается. Ясно, значит, что конфликт уже был налицо на исходе 1910 г. Сартаковцы-общественники были очень недовольны своими новыми соседями. И на первых порах они, казалось, победили. Раньше, чем в Сибири сходит снег, 15 марта 1911 г., Томская казённая палата отменила своё постановление от 7 января. Но январское постановление — хотя бы и отменённое вскоре — дало переселенцам точку опоры для борьбы за свои интересы.

Противостояние 1911 года: юридические доводы и практические соображения. Противостояние 1911 г. — это, в конце концов, одна многоходовая попытка непричисленных переселенцев доискаться правды, найти у властей управу на сартаковское общество. Они быстро прошли местные инстанции и уже 8 июля (как явствует из разъяснения губернского управления на л. 12 об.) получили отказ от самого губернатора. Тогда переселенцы обратились за помощью к сенатору О.Л. Медему, ревизовавшему управление Сибири (л. 13–14). Прошение направлено от имени 86 доверителей Бакулина и Фролова, однако между делом сообщается, что в большинстве своём они «разбрелись» по Сибири. Осталось лишь 24 души, причём в основном это жёны и дети, объединяемые вокруг шести глав семейств.

Обращает на себя внимание сочетание доводов в обращении к Медему. Ходатаи вроде бы доказывают свою юридическую правоту: говорят о «путанице с умышленной целью» (в землеотводных документах), намекают на решающее значение умышленно скрываемого от них загадочного «списка Быкова», требуют рассмотреть все относящиеся к делу документы. С другой стороны, «самым важным» они называют свою бедность, жалуются на «несчастное положение» и «умоляют» «не оставить несчастных отцов и их семейств, полуголодных и оборванных». Переселенцы, таким образом, понимают слабость своих юридических доводов, но всё-таки представляют юридическую часть дела как свой козырь. Они понимают, что

для представителей государства вопрос о законности — первостепенный.

Мастерски составлен абзац о проблемах с припиской. В начале его упоминается «некто» Илья Потапов (вероятно, переселенец из другого места выхода, не являющийся близким знакомым авторов текста). Его история не излагается в подробности, и лишь даётся намёк на то, что сибирские власти отказывались выдать ему паспорт с местной припиской. Независимо от того, правда это или нет, сюда явно не подходит случай Александра Васильева, которому Федосовское волостное правление паспорт выдало (л. 63), и сами жалобщики об этом сообщают. Тем не менее эти два случая сводятся воедино и ненавязчиво, но определённо выводятся на рассуждения о том, что вероятные претензии к Васильеву за неявку на призывной участок будут безосновательны. Эти рассуждения не остались в теории. Сыновья переселенцев не пошли служить не только в 1911 г., но даже в 1915, даже после получения повесток.

Заслуживает внимания и стиль обращения. В исходящих от крестьян документах начала XX в. обычное дело — косноязычие и падежные нестыковки; между тем ходатайство Бакулина и Васильева даёт образец первосортной риторики. Здесь и патетические восклицания: «Мы не можем допустить даже той мысли, чтобы в нашей матушке России ложь и обман взяли верх», и риторические вопросы: «Куда деваться и что делать: суму на спину?», и «государственный взгляд» на дело: «И без нас едет сюда немало с голодных губерний», и дискредитация противника (как чиновников-«взяточников», так и старожилов, которые «поговаривают принимать новых, как только удастся им выгнать нас»). Мы не знаем, сам ли Фрол Бакулин сочинял подписанный им документ⁶. Но точно, что автор ходатайства к О.Л. Медему обладал отличными адвокатскими навыками.

Наконец, стоит обратить внимание на отличную осведомлённость переселенцев об устройстве системы властных органов. После неудачи жалобы крестьянскому начальнику они вышли на уровень губернии, причём добились личной встречи с губернатором⁷; не добившись успеха здесь, нашли сенатора-ревизора (к которому специально ездили за 250 вёрст в Томск!). Не получив удовлетворения и от него, стали действовать по линии ГУЗиЗ: обратились к заведующему Томским районом, потом — и в столицу, в Переселенческое управление. Одновременно с этим они обращались с запросами в губернские органы по месту прежней своей приписки.

Сенатор О.Л. Медем, пересылая переселенческую жалобу томскому губернатору, ходатайствовал об устройстве просителей, а не о рассмотрении их жалобы, таким образом однозначно высказываясь в их пользу. Использованное сенатором выражение «не обязательно» означает ущемление старожилов: устроить переселенцев можно было бы и на другой земле. Но «обязательно» означает нечто большее, чем тот приём, который переселенцы встречали прежде: «идите куда знаете, а где вы возьмёте на это деньги, нас не касается».

Однако губернское правление, которому губернатор передал этот текст, ограничилось сухим отказом со ссылкой на разъяснение губернатора при июльской встрече (л. 12 об.). На рубеже ноября–декабря 1911 г. этот ответ был доставлен подателям жалобы, а уже в начале июня следующего (1912) года свой ответ в Сартаково отправило Переселенческое управление (л. 15–16). Прежде чем отвечать на телеграмму из Федосовской волости, переселенческие чиновники запросили мнение заведующего землеустройством и переселением в Томской губернии. Если судить по срокам обработки жалобы Медему, обмен между двумя инстанциями должен был занять не меньше месяца. Жалоба была отправлена по телеграфу – значит, она воспринималась переселенцами как срочная. Можно предположить, что она была подана с обострением земельного вопроса в начале земледельческого сезона, и переселенцы надеялись, что им удастся отстоять право запашки в текущем году.

Ответ Переселенческого управления обрывал последнюю нить надежды переселенцев получить поддержку властей. Ни местные власти, ни центральные не признали законность их претензий. До этого времени вся их практическая борьба на месте (запашка, угрозы) была лишь средством продержаться до получения «правильного» решения от «справедливых начальников». Тяжбы с обращением к столичному начальству – явление нередкое для эпохи железной дороги и телеграфа. Теперь же борьба переселенцев превратилась в борьбу против всех. Среди бескрайнего враждебного окружения они создали свой остров, на котором решили держаться до конца – вопреки соседям и невзирая на постановления чиновников.

1912–1914 гг.: сила закона и право сильного. Земля, поскольку она связана с полевыми работами, – имущество особое: его можно передавать из рук в руки только раз в год. Кто распахан пашню по весне, тот и снимет с неё урожай. Весной 1912 г. сартаковские переселенцы, подавшие жалобу в Переселенческое управление, не стали ждать ответа из столицы и распахали часть угодий д. Сартаково. Вот как об этом говорилось в приговоре сартаковского общества от 11 мая 1915 г.: переселенцы «со второй половины апреля месяца сего года начали проявлять свои скандальные дела, как это они делали года три назад, т.е. самовольно начали пахать и засеивать земли» (л. 18). Судя по этому выражению, в 1911 г. переселенцы своей запашки ещё не имели (и были заняты постройкой подворья). В 1912 г. экспансия переселенцев вышла на новый уровень – они захватили землю, на тот момент, вероятно, никем не паханную. Требовать от переселенцев покинуть уже засеянный участок, оставив будущий урожай, общество не стало, вероятно, полагая такое требование несправедливым. Но и совсем сдаваться сартаковцы не хотели. Переселенцев было решено выдавить более мягко: общество потребовало с них «полетки». Сумма, которую общество требовало в качестве полетков с Фрола Васильева, составляла 55 руб. – цифра, заведомо превосходящая налоговый платеж каждого из членов общества (не говоря уже о налоговой льготе, которую имели бы

переселенцы, заселившись на переселенческом участке). Таким образом, «полетки», которых требовало общество, были не просто, но запретительной платой. Это была уступка со стороны общества – признание права переселенцев временно пользоваться захваченной землёй. Но уступка временная, подразумевающая скорейший уход переселенцев.

Однако переселенцы не собирались уходить. Они просто-напросто отказались выполнять требование о полетках. Подати, «которые причтутся на нашу долю как крестьян причисленных, мы платить согласны, а полетки, хотя бы и [по] принуждению судом, добровольно платить не будем» (л. 60 об.) – так будет передавать их слова пристав в сентябре 1915 г.

Притязания переселенцев не ограничивались пашней. Обиды сартаковских общественников, накопившиеся с 1912 г., излагает протокол дознания от 14 сентября 1915 г., составленный приставом 9 стана Барнаульского уезда. Терентий Павлов привёл случай 1913 г.: по приказанию сельского старосты он отделил скот непричисленных от мирского стада, но Ф. Васильев пригрозил ему убийством, если это ещё раз будет сделано. Василий Королев сообщил, что в 1911 г. Бакулин и Васильев не давали ему строиться на участке, отведённом рядом с тем местом, на которое претендовали они. В итоге он принуждён был бросить уже поставленный сруб и убежать; брошенное было переселенцами разрушено (л. 53–59 об.). Переселенцы, таким образом, не пытались оторвать от общества кусок земли; они пытались стать частью общества вопреки его воле. Это был, используя понятие ХХI в., не столько грабёж, сколько рейдерский захват.

Для разрешения споров между крестьянами существовало волостное и сельское управление, обеспеченное судебными и полицейскими полномочиями. Действие этой системы в сартаковском случае описывает целый ворох отношений, протоколов и актов, пересылавшихся между сельским старостой, волостным старшиной, полицейским урядником и уездным съездом крестьянских начальников (л. 25–50). Кратко перечислим шаги, пройденные сартаковскими общественниками в борьбе за свою правду.

26 мая 1912 г. Федосовский волостной суд по иску Сартаковского сельского общества к Фролу Васильеву принял решение о взыскании 55 руб. с Ф. Васильева за полетки. Васильев принёс апелляционную жалобу на это решение. 19 декабря 1912 г. уездный съезд крестьянских начальников отклонил жалобу Васильева. 6 февраля 1913 г. сообщение об этом было послано в Федосовское волостное правление.

27 февраля 1913 г. волостное правление предписало Сартаковскому старосте воплотить вступившее в силу решение от 26 мая. Для этого требовалось произвести опись имущества и назначить торги. Но когда староста 1 марта пришёл производить опись, Ф. Васильев и его сыновья угрозой оружия заставили старосту, десятского и понятых отступить. Сообщая об этом в волость, староста просил помощи в описи имущества Васильева.

5 марта 1913 г. волостное правление препроводило отношение старосты полицейскому уряднику Федо-

совской волости с просьбой помочь при описи имущества Васильева. На документе есть надпись урядника от 12 апреля 1913 г. о том, что он возвращает эту переписку в волостное правление «по исполнению» (л. 32 об.). И действительно, в деле сохранилась опись имущества Ф. Васильева, предназначенного к продаже за неплатеж полеточного сбора за 1911 г. В перечне этом, как требовал закон, волостной старшина особо отметил имущество, которое можно продать «без разорения хозяйства» (л. 27). Сюда не вошли ни дом, ни три лошади, ни корова. Продать предполагалось жеребёнка, шесть овец, кур, самовар, кошёвку, дровни и кадушки – общим счётом на 16 руб. (при долге в 55 руб.). 18 апреля волостной старшина отправил старосте предписание немедленно произвести продажу имущества.

Следующий ход в этой борьбе был сделан уже после сбора урожая. 3 ноября 1913 г. Федосовский старшина вместе с полицейским урядником и понятыми явился для продажи имущества Ф. Васильева. Но Васильев «вооружился литовками» и не допустил продажи. Теперь все возможные в рамках волости средства были использованы, результат получен не был. Документы о безуспешных взысканиях по решению волостного суда сохранились не только для Ф. Васильева, но и для Ф. Ченского, У. Кутенкова, Г. Бакулина.

В 1914 г. попытки воплотить прежние и новые судебные решения продолжались, но качественных перемен не происходило. Использование карательного аппарата сельского и волостного уровня зашло в тупик. Сартаковское общество собрало целую коллекцию судебных решений в свою пользу. Но воплотить их не удавалось: не хватало грубой физической силы.

Нельзя сказать, что переселенцы в своей борьбе игнорировали юридическую сторону дела. Они бережно хранили несколько документов, позволявших им претендовать на юридическую обоснованность своих притязаний. Самые весомые из них – это два отношения самарских губернских органов власти по поводу Михаила Мосолова. Отношение Самарской казённой палаты Баклановскому волостному правлению Бузулукского уезда Самарской губернии сообщало о том, что М. Мосолов с 1-й половины 1911 г. причислен к д. Сартаковой (л. 61а – 61а об.). Документ датирован 19 марта 1912 г., причём содержит отсылку на то самое, быстро отменённое, постановление Томской казённой палаты от 7 января 1911 г.

Его дополняет отношение Самарского губернского присутствия от 3 сентября 1913 г. самому Михаилу Мосолову, живущему в Томске (по Кондратьевской улице, дом Степанова, № 17, кв. 3). В ответ на поданное губернатору прошение о выдаче паспорта ему сообщали, что он предписанием Самарской казённой палаты от 19 марта 1912 г. причислен к д. Сартаковой Екатеринбургской волости Барнаульского уезда Томской губернии, куда ему и надо обратиться с ходатайством на получение вида на жительство (л. 61–61 об.).

Оба этих документа особенно важны потому, что составлены уже после того, как Томская казённая палата 15 марта 1911 г. отменила январское решение о

причислении сартаковских самовольцев. И в марте 1912 г., и в сентябре 1913 г. авторитетные губернские власти сообщали живущему в Томске крестьянину, что он причислен к деревне Сартаковой. Была ли то ошибка Томской казённой палаты, забывшей переслать в Самару сообщение об отмене своего январского (1911 г.) решения, или ошибка самарских чиновников, подшивших важную бумагу не к тому делу, но только у Михаила Мосолова появился важный козырь. Неясно, знали ли о нём Гавриил Бакулин с товарищами в 1912–1913 гг., но точно, что по возвращении Михаила Мосолова в Сартаково эти документы поступили в «общий котёл» переселенцев.

При этом они игнорировали документы, противоречащие их интересам. Сохранилось датированное 11 июля 1913 г. «объяснение» Тульского губернского присутствия крестьянину Фёдору Ченскому (в ответ на его прошение тульскому губернатору) о том, что он причислен к Тульской губернии. Тульские чиновники уточнили, что Ченский был сначала исключён из крестьян Тульской губернии «вследствие отношения Томской казённой палаты от 7 января 1911 г.», но «согласно отношению той же палаты от 15 марта 1912 г.» причислен обратно (л. 24а–24а об.).

Следовательно, нельзя считать, что переселенцы искренне заблуждались насчёт своего статуса. Дело обстояло иначе: для них существовало только одно решение проблемы, и они использовали всякое лыко в свою строкку. Но независимо от степени своей юридической правоты они готовы были стоять насмерть.

Со своей стороны, общество д. Сартаковой не проявляло равной решительности. Для общественников необходимость поделиться жизненным пространством с самовольцами выступала досадным обстоятельством, но не вопросом жизни и смерти. Судя по тому, что в 1912–1914 гг. не упоминаются фамилии пострадавших от самовольной запашки, самовольцам удалось распахать земли, не входящие ни в один из крестьянских наделов. Недееспособность в данном случае волостных механизмов власти была очевидна уже в ноябре 1913 г., но полтора года после этого ни общество, ни волостные власти не пытались добиться защиты ни у крестьянского начальника, ни у губернатора.

На протяжении 1912–1914 гг. сложилось хрупкое равновесие. «Промежуточной точки», которую готовы были бы признать обе стороны, не существовало, но фактически сосуществование имело место. Если бы такое положение продлилось ещё несколько лет, то оно имело бы шансы так или иначе закрепиться. Однако в дело вмешались внешние обстоятельства. Военный призыв физически ослабил сартаковское общество и подтолкнул переселенцев к тому, чтобы перейти в наступление.

Обострение 1915 г.: губернатор умывает руки. Весной 1915 г. сартаковские переселенцы вновь распахали общественные земли. Но теперь они расширили запашку, ведь их стало больше. К четвёрке семейств, боровшихся на протяжении 1911–1914 гг. (Васильевы, Бакулины, Кутенковы, Ченские)⁸, в 1915 г. добавляется Михаил Мосолов. Он был в числе самовольцев, ошибочно причисленных к Сартаковой

в январе 1911 г., затем прожил несколько лет в Томске; после начала мировой войны, ставшей тяжким бременем для экономики, вернулся в Сартаково. Одним из главных предметов возмущения сартаковских общественников в 1916 г. будет то, что Мосолов, прежде не имевший дома, купил сруб и поставил в д. Сартаково на общественном усадебном месте (л. 77а–77а об.). О нём же в 1915 г. сообщали, что он в начале сева присматривал среди уже поделенных (между членами общества) угодий землю под посев, утверждая, что «земля принадлежит всем тем, кто ее обрабатывает, и что отдельных владельцев нет и быть не может, а если кто-либо будет ему препятствовать пахать облюбованную землю, то он того непременно убьёт» (л. 56). М. Мосолов в 1915–1916 гг. обзаводил-ся хозяйством, которого не успел создать ранее.

Делал он это в союзе с прочими переселенцами. Совместное действие переселенцев – одно из важных условий их успеха. Перечисляя обиды с их стороны, старожилы не раз называют несколько имён кряду: переселенцы оказываются то вдвоём, то троём. При попытке взыскания судебных долгов переселенцы тоже собрались все вместе (в доме Бакулиных) и прогнали старосту с понатыми. Описывая в майском 1915 г. акте запашку общественной земли, волостной старшина уточнял, что «временно проживающие», по их заявлению, распахали землю «на воппем между ими не определено по домохозяевам» (л. 23 об.). Общий фонд переселенцев составляли и документы, подкрепляющие их права: как видно из штампа на обороте документа, копия справки Самарской казённой палаты о причислении Михаила Мосолова была выдана в июне 1915 г. Гавриилу Бакулину (л. 61а – 61а об.).

Расширяя запашку в 1915 г., переселенцы не ограничились землями, закреплёнными за обществом в целом, и вторглись в наделы определённых крестьян. Вот как описывал произошедшее Ф. Белавин, полдесятины которого запахали отец и сын Васильевы: «Когда я сказал им, что хлеб с этой земли соберу и свезу, Васильевы ответили: “Попробуй – не рад будешь; ты у нас увезешь хлеб с 1/2 десятины, а мы у тебя уничтожим с 20 десятин”. В угрозе этой я усмотрел поджог, а потому и поступился своей землёй» (л. 55 об.). В таком же положении оказались ещё, по крайней мере, Ефрем Огиенко, Нестер Калягин и Николай Самохин.

Вторжение переселенцев в чужие наделы резко обострило положение. В отличие от прошлых лет, общество начало активную борьбу за свои права. Агрессивные действия самовольцев относятся ко второй половине апреля 1915 г. 1 мая 1915 г. крестьянскому начальнику в с. Берское (будущий г. Бердск) была отправлена телеграмма о том, что «самовольно проживающие», «...угрожая оружием, засевают землю призванных мобилизацией Старшина содействия не дает просим Вашего распоряжения. Сартаковское общество» (л. 22–22 об.). Срочное (телеграммой) и прямое (через голову волостного правления) обращение к высокому начальству показывает выход конфликта на новый уровень.

Волостное правление, получив запрос крестьянского начальника, попыталось вернуть дело в русло

судебных тяжб. Отношением от 18 мая оно заверило крестьянского начальника, что «земли принадлежащие семействам призванных на военную службу означенные крестьяне не запахивали», а запахали только землю, отведённую под сбор денег на строительство церкви, о чём помощником волостного старшины ещё 21 апреля был составлен акт, выданный обществу для предъявления судебного иска (л. 21–21 об.).

Однако эта попытка не сработала. Не видя ответа от крестьянского начальника, Сартаковское общество уже 11 мая составило приговор, которым поручало члену общества Матвею Барышову ходатайствовать об ограждении общества от насильственных действий «самовольно проживающих» перед самим губернатором (л. 18–19 об.). Обращаясь к высокому представителю власти, получающему назначение лично от государя-императора, общество сделало акцент на патриотической стороне дела. Пятёро переселенцев, «пользуясь тем, что из среды нашего общества до настоящего времени выбыло и поступило в ряды защитников родины 68 человек, с наступлением весенних полевых работ то есть со второй половины Апреля месяца сего года <...> самовольно начали пахать и засеивать земли как призванных в Армию, так и равно остальных общественников, угрожая вооружённым сопротивлением тем, кто будет им в этом препятствовать». «Притом у Васильева и Мосолова имеются взрослые сыновья, которые давно должны отбывать воинскую повинность, но таковые почему-то не являются куда следует» (л. 18). Прося защиты, общество предупреждало: «У нас у общественников с самовольно проживающими Васильевым и другими может произойти скандальный случай и даже убийство, так как они угрожают оружием и открыто заявляют в скором времени начнут пахать чью попало землю под посев 1916 год» (л. 18 об.).

20 мая Матвей Барышов, добравшись до Томска, лично вручил этот приговор губернатору (л. 4 об.). Губернатор медлил с решением, обстановка по-прежнему накалялась. Форма 3 июня следующего ходатайства с прежним содержанием отражает высокую степень напряжения: телеграмма с оплаченным ответом. Васильев и Масалов, сообщалось в телеграмме, «опять самовольно зачали распахивать общественную землю вызывая этим сильное возбуждение общества» (л. 8). Телеграмма подписана в качестве уполномоченного от общества д. Сартаковой Нестером Калягиным – одним из тех, кто непосредственно пострадал от самовольной запашки.

Пять дней спустя, 9 июня Калягин же телеграфировал крестьянскому начальнику: «Губернатор телеграммой приказал обратиться Вашему содействию просим скорейшего распоряжения может произойти убийство» (л. 9). 19 июня 1915 г. крестьянский начальник Кондратенко наконец прибыл в Сартакову. Он составил протокол, в котором записал и жалобы общественников на постоянные угрозы убийства и поджога, и ответ переселенцев: «На предложение крестьянского начальника оставить д. Сартакову <...> мы не согласны, так как здесь мы уже обзавелись хозяй-

ством, и выехать отсюда для нас значит разориться. От подписи отказались» (л. 10).

При составлении протокола крестьянский начальник старался быть подчеркнуто беспристрастным. Он не только даёт слово на сходе переселенцам и записывает в протокол их позицию, но и после того, как они отказываются от подписи и, по всей видимости, уходят, старается сохранить позицию «над схваткой». Показательна реплика Нестера Калягина, записанная в протоколе так: «Когда я шел в обход, то Мосолов на улице замахнулся на меня ножом и сказал: “Вот тебе и душа вон”. Возможно, что это он и шутя сказал» (л. 10). Первой части реплики, где выдвигается обвинение, противостоит вторая часть, которая это обвинение уничтожает. Ясно, что между ними – вопрос крестьянского начальника, который, видимо, заботился о том, чтобы протокол нельзя было упрекнуть в пристрастности.

Неделю спустя он переслал этот протокол томскому губернатору вместе с документами минувших лет (о безуспешных попытках воплотить решения суда) и своим отзывом. Как выяснилось, он был не первый год знаком с сартаковскими переселенцами и уже не раз слышал от них, что они «никогда не уйдут из деревни Сартаковой и не подчинятся даже силе» (л. 4). В ходе недавней поездки «выяснилось, что отношения между общественниками и переселенцами страшно обострились». «Предупредить нежелательное столкновение» чиновнику удалось только обещанием, что в близком будущем переселенцы будут выдворены. Решение казалось крестьянскому чиновнику очевидным: высылка из пределов губернии «в порядке охраны». «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», притча во языцех эпохи Александра III, принималось для борьбы с революционерами и позволяло губернатору высылать опасных для порядка в губернии людей по личному усмотрению. Томская губерния находилась на положении чрезвычайной охраны почти с самого начала мировой войны.

Особого внимания заслуживает позиция общества. Крестьяне-общественники перечисляют беды, подчеркивают угрозу убийства со стороны переселенцев и просят о помощи, но они выступают не с позиции слабого и предупреждают про возможность «скандального случая, и даже убийства». Общественники, следовательно, отлично осознают своё превосходство в грубой физической силе (даже после ухода мобилизованных остаётся 90 хозяев, имеющих право голоса на сходе, из которых 74 собираются на сход, принявший ходатайство 11 мая 1915 г.). Осознают и юридическую свою правоту. Они могли бы смести самовольцев силой, но это грозит вылиться в кровопролитие, за которое придётся нести ответственность. Поэтому переселенцы пытаются действовать законным способом. Но они не просят у властей милости. Они предлагают выбор: или вы добьётесь соблюдения закона, или мы поступим, как сами умеем.

После того как требование сартаковского общества о выселении переселенцев поддержал крестьянский начальник, настало время подключить полицию.

31 июля губернское управление запросило заключение по этому делу барнаульского исправника (л. 73). Исправник отправил на разведку пристава 9 стана, который 14 сентября провёл дознание на месте и полностью принял сторону сартаковского общества. Составленный им протокол дознания включает показания 19 общественников, в которых ключевое внимание уделяется угрозам со стороны переселенцев (убить тех, кто противится, и сжечь посевы общества). Включает он и показания переселенцев, настаивающих на своём праве быть членами сартаковского общества.

В протоколе дознания явно прослеживается лейтмотив непризнания начальства. Вот типичные примеры высказываний, вложенных авторами показаний в уста переселенцев: «Мы никакого начальства не признаем и признавать не будем», «губернией у нас правит не губернатор, а какой-то мошенник», «дознание производил в Сартаковой не крестьянский начальник, а какая-то шпана и сволочь» (л. 53–59 об.). Была ли то заранее согласованная линия поведения сартаковцев или личная инициатива пристава, смысл её очевиден: вызвать раздражение начальства против самовольцев. Последние, впрочем, от этих обвинений откристились, заявив в том же протоколе, что «поносить и ругать правительство в лице г. Начальника губернии и крестьянского начальника никогда себе не позволяли и не позволим» (л. 60).

Поначалу пристав не обратил внимания на проблему призыва, однако во второй день составил отдельный протокол на эту тему. Дело кончилось тем, что трое крестьян (включая и Никанора Васильева, младшего брата Александра) дали подписку с обязательством «немедленно выехать в место своей приписки для отбытия воинской повинности в Россию» (л. 67). Из документов следующего года мы узнаем, что «немедленный» выезд так и не состоялся. Как видно, пристав представлял в глазах крестьян слишком грозную силу, открыто противиться которой было невозможно. Но как только он уехал, переселенцы вернулись к обычной тактике.

Пересылая все собранные материалы исправнику, пристав указал на необходимость высылки переселенцев «в порядке охраны» и вновь обратил внимание начальства на возможные последствия: «Сартаковцы от самосуда если и воздерживаются, то только потому, что среди их есть несколько человек разумных крестьян, которые удерживают их от этого» (л. 71 об.).

Дело шло, таким образом, к применению карательного закона. В этот момент произошёл крутой поворот: на основе собранных приставом материалов исправник пришёл к выводу, что «выдворение переселенцев в порядке охраны в данном случае не имеет оснований» (л. 1 об.). Об этом он сообщил губернатору отношением 28 сентября 1915 г.

У нас нет достаточных оснований для определённого решения о побуждениях полицейского руководителя. Действительно ли исправник считал выселение переселенцев несправедливым? Выражения, в которых он описывает поведение переселенцев, выдают скорее его враждебность: «...означенные пере-

селенцы действительно являются вредными и опасными для Сартаковского общества, производя у него самовольную запашку усадебных мест, пользуясь общественными выгонами и землей и вырубая общественные леса, при упорном нежелании уплачивать какие-либо сборы и постоянных угрозах населению» (л. 1).

Исправник упрекает общество в «инертности»: против переселенцев оно выступало долгое время «в лице лишь некоторых своих членов»; возможность «решительными мерами пресечь <...> в корне» действия самовольцев не была использована. Упрёк выглядит надуманным: ведь переселенцы прогоняли не только старосту и старшину, но и урядника – полицейского служащего.

С другой стороны, трудно представить, что начальник всей уездной полиции боится пятерых крестьян, хотя бы и вооружённых. Ключ надо искать в предложении выселять самовольцев судебным порядком, которое в отзыве исправника изложено даже дважды. Как видно, сама по себе идея выселения не кажется исправнику кощунственной, но он ищет авторитетного её подкрепления. Возможно, исправник учитывал уже имевшийся к тому времени опыт обсуждения подобных дел в прессе и хотел обеспечить себе алиби в глазах общества, избавиться от лишней ответственности.

Этот путь снимал ответственность не только с исправника, но и с губернатора, он и был использован начальником губернии. Отношением 18 ноября В.Н. Дудинский сообщил крестьянскому начальнику, что к высылке в порядке охраны «достаточных оснований не усмотрено» и вопрос о выселении «должен быть разрешён в судебном порядке по возбуждении Сартаковским сельским обществом соответствующего по сему предмету ходатайства» (л. 74–74 об.). Учитывая уже известную нам результативность судебных решений по сартаковскому делу, это означало, что вопрос должен быть закрыт. Так завершилась «кампания 1915 г.» в деревне Сартаковой.

1916 год: запоздалая попытка сдержать стихию.

В следующем году переселенцы, как и следовало ожидать, вновь распахали захваченную ранее землю. Общество 9 мая 1916 г. вновь составило приговор; уполномоченным от общества на сей раз стал Р. Башаев. В вину непричисленным вменялось то, что они в наступившем году «изволили выехать и распахать выгон поскотину и посеять пшеницей где у нас у местных крестьян выпуск лошадей и выход табунов», причём «производя посевы на крестьянских надельных паях с оружием в руках угрожают местным крестьян» (л. 77–77 об.). Особым пунктом ставилась в счёт уже упоминавшаяся установка дома М. Мосоловым. Надежды авторы приговора возлагали на крестьянского начальника, к которому и посылали своего ходатая.

История 1915 г. пошла, таким образом, по второму кругу. Так же, как и в прошлом году, в первой половине июня дело дошло до телеграммы губернатору. Сохранившаяся в деле копия этой телеграммы не датирована, но, учитывая быстроту обработки телеграмм чиновниками в предыдущем году, можно

утверждать, что она отправлена незадолго до вызванных этой телеграммой отношений губернатора исправнику и крестьянскому начальнику, т.е. 10 или 11 июня.

Текст телеграммы не кажется необычным: самовольцы распахали общественную землю, уклоняются от службы в армии, угрожают убийством. Разве что добавляется указание на возможное расширение конфликта: нарушители не только уже распахали чужие участки, но и «начинают опять распахивать землю, собираются для сего все вместе». Концовка вновь типична: просим «усмирить самовольцев, дабы не было скандала до убийство кого-либо» (л. 79–79 об.).

Эта, в общем-то, прогнозируемая телеграмма вызвала, однако, совсем иную реакцию губернатора, чем в прошлом году. Он предписал исправнику «немедленно принять меры к прекращению самоуправных действий со стороны вышеуказанных крестьян и к привлечению их за таковые к законной ответственности, а также к привлечению к воинской повинности сыновей Васильева и Ченского, если только они действительно подлежат к отбыванию таковой» (л. 80–80 об.). Более того, он переслал копию этого предписания крестьянскому начальнику и «предложил» ему «принять и со своей стороны меры к недопущению самоуправных действий со стороны означенных в телеграмме крестьян» (л. 78). Казалось бы, речь идёт о полицейских мерах, зависящих от исправника. Возможности крестьянского начальника в такой обстановке скудны; посылая ему «предложение», губернатор хватался за соломинку. Он наконец ощутил опасность.

Раньше, чем адресаты успели получить отношения губернатора, в Сартаковском деле произошла развязка. 13 июня Федосовский волостной старшина отправил начальству рапорт о том, что «временно проживающие в д. Сартаковой кр-не Александр и Никанор Васильевы с прочими сего 13 июня, распахивая самовольно общественный выгон возбудили вооруженное буйство и литовкою убили крестьянина дер. Сартаковой Нестера Петрова Калягина, последний же обороняясь убил Никанора Васильева» (л. 81а).

Исправник, прибывший в Сартаково 22 июня, уточнил в своём рапорте, что вооружённое столкновение началось с попытки старосты и понятых остановить братьев Васильевых, пахавших общественную поскотину. Никанор Васильев замахнулся ножом на Нестера Калягина и получил от него ружейную пулю. Сам Калягин побежал в сторону успевших отъехать односельчан, но не смог уйти от Александра Васильева, который зарубил его косой. Последний вместе с отцом в тот же день уехал в Новониколаевск. Рапорт завершается сдержанной припиской: «...считаю нужным доложить Вашему превосходительству, в дополнение представления своего от 28 сентября 1915 года <...> что отношения между крестьянами дер. Сартаковой и упомянутыми Васильевыми обострились до невозможности, крестьяне озлоблены на непричисленных за то, что они, проживая в этой деревне оседло, невзирая ни на какие распоряжения, пашут не принадлежащую им землю, рубят лес, в общественном выгоне пасут скот, и не платят и не несут бук-

важно никаких повинностей» (л. 82–83). Как видно, теперь исправник уже не возражал против использования положения об усиленной охране.

Этот путь, как ни удивительно, и был использован губернатором. 8 июля 1916 г. он постановил: сартаковским переселенцам «ввиду вредного направления и опасной, для общественного порядка, деятельности, воспретить, на время продолжения Положения чрезвычайной и усиленной охраны, пребывание в пределах Томской губернии, выслать их, с установленными проходными свидетельствами, в избранные ими самими места жительства» (л. 84–84 об.). Итак, за убийство переселенцы заплатились переменой места жительства на любое другое, удобное им. Строго говоря, у нас нет документов, подтверждающих, что постановление губернатора было исполнено. Но в пользу этого предположения говорит ходатайство М. Мосолова с просьбой лишь об отсрочке выезда (до сбора урожая).

Подведём итоги. На протяжении 1910–1916 гг. Сартаковское противостояние прошло три стадии. С конца 1910 г. (когда произошло межевание) до лета 1912 г. центр тяжести лежал на юридической борьбе переселенцев за право причисления к обществу. При этом они самовольно строились и даже пахали землю, но всё это имело второстепенное значение по сравнению с ходатайствами в различные инстанции, которые могли бы узаконить уже произведённый переселенцами захват. Именно переселенцы выступали здесь обиженной, слабой стороной; они просили защитить их от притеснений старожилов (и местных властей). После того, как их притязания были отвергнуты на всех уровнях, стало ясно, что переселенцы могут рассчитывать только на себя.

С лета 1912 до весны 1915 г. переселенцы существовали на положении осаждённой крепости. Невзирая ни на какие приказания выборных крестьянских властей и судебные решения (из волостного и даже мирового суда), они брали силой то, что было им необходимо – усадебное место, долю в пахотных землях, право выпаса скота в общем стаде, право пользования лесом. Общество пыталось добиться от них арендной платы за захваченные земли, но отступало перед ожесточёнными угрозами.

Весной 1915 г. переселенцы, используя ослабление противника (призыв на фронт) и собственное усиление (возвращение из города Михаила Мосолова), попытались расширить запашку. Поскольку свободных земель уже не оставалось, они «экспроприировали» часть земель из чужих наделов. Это вызвало бурную реакцию сартаковского общества. Теперь уже старожилы почувствовали себя обиженными и стали жаловаться властям. Чиновники, непосредственно взаимодействующие с крестьянами (крестьянский начальник и становой пристав), выразили переселенцам полную поддержку, однако исправник и губернатор в 1915 г. недооценили реалистичность угрозы кровопролития, а в 1916 г. уже не успели вмешаться. После кровавой развязки переселенцам пришлось всё же покинуть облюбованное ими место.

Сартаковская история позволяет сделать несколько наблюдений, касающихся крестьянского общества

в Сибири начала XX в. В качестве попутного замечания стоит сказать о быстрой утрате крестьянами европейских губерний переселенческого статуса. Юридически закреплённая податная льгота переселенцев свидетельствует, что государство давало переселенцам 10 лет на превращение в старожилов. Этих 10 лет, как видно из Сартаковского дела, действительно было вполне достаточно. Стоило вчерашнему переселенцу обзавестись хозяйством, он чувствовал себя полноправным хозяином. При этом он с удовольствием пользовался как материальными, так и юридическими выгодами своего положения – нанимая новых переселенцев в батраки, требуя с них денег за приёмный приговор.

Ещё один попутный штрих к портрету обновлённого российского общества начала XX в. – умение крестьян работать в правовом поле. Они, не сходя с места, собирают необходимые им справки со всей страны и запасаются нотариально заверенными копиями. Они знают, кому можно пожаловаться на волостное правление и даже на местных чиновников. Они не стесняются терзать губернатора телеграммами и ходоками. Они видят, что власть состоит из разных ведомств (не преуспев у губернатора, жалуются сенатору-ревизору, затем – в Переселенческое управление). Их обращения к властям риторически оформлены так, чтобы выдвигать на первый план то, что важно для государственных служащих («государственные соображения», «патриотизм», «оскорбление государственной власти»). Крестьяне не боятся власти, и высокие чиновники, даже будучи несогласны с ними, обращаются к ним «на вы»; и крестьянский начальник, будучи убеждён в необходимости скорейшей высылки переселенцев, при составлении протокола старается быть нарочито объективным. Всё это довольно далеко от образа патриархальной российской глубинки и заскорузлых мужиков, который до сих пор ещё встречается в представлениях о дореволюционной России.

Главное, о чём позволяет судить Сартаковское дело, – это методы решения спорных случаев. Обращает на себя внимание поведение начальника уездной полиции и губернатора. Оно составляет решительный контраст с представлениями о беспощадной карательной системе. Сами чиновники объясняли такое решение желанием учесть интересы обеих спорящих сторон. При этом использовалась презумпция широкой ответственности за трудовой договор (хотя бы и неписанный). Раз старожилы в первый год нанимали переселенцев в батраки, значит, теперь старожилы не могут покинуть переселенцев один на один с их проблемами. Такая логика напоминает политику государства применительно к отношениям фабрикантов и рабочих – политику, отмеченную внедрением фабричного законодательства в пользу рабочих.

Неясно, насколько сам губернатор осознавал такую постановку вопроса. Судя по всему, главную роль в таком поведении чиновников играло желание снять с себя ответственность за силовое решение, чреватое в случае его огласки обвинениями в ущемлении интересов переселенцев. Вот почему крестьянский чиновник, от которого требуется лишь мнение, настойчиво требует высылки переселенцев, а губер-

натор, в компетенции которого входит использование положения об усиленной охране, «не находит основания» для его применения. Вот почему исправник (которому предстоит непосредственно устраивать высылку, если такое решение примет губернатор), будучи враждебно настроен к переселенцам и не возражая, в общем-то, против их удаления, советует губернатору отправить старожилов искать правды в суде.

Власть, таким образом, пустила дело на самотёк. Столкновения между старожилами и подселившимися к ним выходцами из Европейской России были часты, и отступление от буквы закона в пользу примирительной линии — обычная линия поведения высших властей начиная уже с 1880-х гг. Можно было надеяться, что в этом случае, как и во многих других, дело так или иначе уладится. Либо переселенцы уйдут на новые места (именно так поступило большинство товарищей Г. Бакулина и Ф. Васильева), либо старожилы скрепя сердце согласятся причислить их к своему обществу.

Казалось, что именно к этому и идёт дело. Сложившееся равновесие опиралось на то, что угроза для одной стороны была жизненно важна (потерять нажитое и начинать всё с начала), а для другой — лишь существенна (потерять возможность расширения хозяйства). Сартаковские общественники, не так давно пе-

реселившиеся в Сибирь, легко могли примерить на себя испытание повторным переселением. Они понимали, что угрозы переселенцев — не пустые слова: если требовать их переезда, они пойдут и на поджог, и на убийство.

Однако как только переселенцы перешли от использования «ничейных» общественных земель к запашке чужих наделов (хотя бы и малыми частями), положение резко изменилось. Старожилы тоже ощутили угрозу жизненно важным интересам. С этих пор у обеих сторон появился стимул использовать крайние меры. Убедившись в невозможности добиться справедливости от властей, крестьяне начали действовать силой, и это немедленно привело к пролитию крови.

То, что противостояние в Сартаково окончилось убийством, — исключение из правила, обусловленное личными особенностями переселенцев. При всей драматичности концовки главное для понимания массовых явлений эпохи переселения — это 1-я и 2-я стадии конфликта, в ходе которых устанавливается и поддерживается хрупкое, но имеющее перспективы к закреплению равновесие. Сартаковская история показывает нам роль низовых, независимых от государственной власти процессов в жизни крестьянского общества России начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Томской области. Ф. Ф-3. Оп. 12. Д. 1382. Далее номера листов из этого дела указываются по тексту в круглых скобках.

² Эта же дата в качестве точки отсчёта указана в общественном приговоре, составленном сартаковцами в тот же день по просьбе пристава (л. 51–52). Не исключено что дата верна: значит, переселенцы жили в батраках не один год, а три. С другой стороны, сами переселенцы на это не указывают, хотя для них это было бы выгодно; можно допустить и ошибку документов 1915 г. В любом случае переселенцы появились не позже 1910 г.

³ Фамилия эта пишется по-разному; Масалов, Масолов, Мосалов. Очевидно, первые две гласные были безударными.

⁴ При этом и Емельян, и Никанор Мосоловы жалуются на переселенцев Петра Ченского, Фрола Васильева, но не на Михаила Мосолова. У других свидетелей, записанных в том же протоколе, упреки в адрес Михаила Мосолова неоднократны.

⁵ Мы можем оценить и объём этого превышения: согласно уже приводившимся данным Списка населённых мест 1911 года на девяносто 15-десятинных наделов в Сартаковой приходилось 80 дворов.

⁶ Фамилию свою он подписывал с трудом, но это ещё не доказательство косноязычия.

⁷ Переселенцы и чиновники по-разному описывают её результат: то ли губернатор разъяснил неприемлемость требований, то ли обещал разобраться, но сам факт встречи указывают обе стороны (см.: л. 12 об., 14).

⁸ В ходатайстве Медему 1911 г. упоминались также Максим Харин и Панкратий Зубарев. Ни в каких позднейших документах они уже не упоминаются — очевидно, они уехали уже в 1911 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frank Stephen. Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914. Berkeley : University of California Press, 1999.
2. Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг. Хроника и историография / Л.М. Горюшкин, В.В. Кучер, Г.А. Ноздрин и др. Новосибирск, 1985.
3. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1907–1914 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1986.
4. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX — начало XX. Новосибирск, 1967.
5. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
6. Резун Д.Я., Шилловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
7. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
8. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские переселенцы в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул, 2013.
9. Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX — начале XX в.). Омск, 2001.
10. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010.
11. Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989.
12. Ben Eklof. [Review of:] Guadin Corinne. Ruling peasants: village and state in late imperial Russia // American historical review. 2008, June.
13. Мамсик Т.С. Чаусское Приобье: население и хозяйство: Опыт ретроспекций по материалам XVII–XIX вв. Новосибирск, 2009.
14. Мамсик Т.С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья: По материалам XVII–XIX вв. Новосибирск, 2012.
15. Dennison Tracy. Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
16. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 ноября 2015 г.

A CUTTHROAT COMPETITION: THE SARTAKOVO ARGUMENT OVER THE RIGHT FOR ATTACHMENT AS A CASE OF THE PEASANTS' CONFLICT OF THE STOLYPIN TIME

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 169–181.

DOI: 10.17223/15617793/406/27

Shilovsky Mikhail V. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kapital@history.nsc.ru

Kirillov Alexey K. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kapital@history.nsc.ru

Karavaeva Anastasiya G. State Archive of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anast@post.tomica.ru

Keywords: Stolypin's migration; newcomers and old residents, peasants' conflicts; attachment to rural society; volost' self-government.

The article represents the first results of a case-study project to explore conflicts between Siberian migrants and old residents during the late imperial period. The peasants' movement from the land-hungry regions of European Russia to Siberia inspired Donald Treadgold to call it "The Great Siberian Migration". While continuing the long tradition of studying this milestone of Siberian history, the current publication brings it into a new discourse. Migration is investigated not as a means of developing Siberia but as a source of contradictions which initiate the start of conflict-solving mechanisms existing in the Russian peasant society of the early 20th c. The immediate object of study is a conflict concerning attachment (*prichisleniye*) of several unauthorized migrants to the Sartakovo rural commune (Barnaul *uyezd*, Tomsk Province). This case is especially precious for Sartakovo was a village of the "new old residents" who themselves arrived from the European Russia not long ago. Thus we may be sure that the Sartakovo conflict is a clash of discordant material interests, not of different cultures. The Sartakovo conflict followed three stages during 1910–1916. It was a legal struggle of the migrants for the right of attachment to the commune that prevailed until the summer of 1912. After all of their appeals had been declined, from the summer of 1912 up to the spring of 1915, newcomers would take by force all they needed for running their husbandries, plowlands to be mentioned first of all. The Sartakovo commune would try to get a reimbursement for the occupied lands judicially but stepped back against threats of arson and death. There emerged a kind of equilibrium: the authority of law that weighed to the side of the old residents was balanced by the newcomers' readiness for desperate resistance for the sake of their vital interests. But in 1915 the newcomers undertook to expand their tilth and went further from using commune's reserve lands to intruding into other peasants' parcels. The old residents' vital interests being now endangered, they too appeared ready to use extreme measures. State and police officials dealing directly with peasants (*krest'yanskiy nachal'nik* and *stanovoy pristav*) supported the old residents without hesitation but the head of *uyezd* (district) police (*ispravnik*) and the governor underestimated the danger of bloodshed. In 1916, when the old residents attempted to stop the newcomers' plowing by force, both the sides used weapons and each of the parties lost one man killed. Only after that the authorities forced the migrants out of the province. The mortal outcome of the Sartakovo conflict is an exception determined by personal qualities of the migrants who acted unusually vigorously in their struggle for the land. However dramatic is the finale of the conflict, its first and second stages are more important for understanding phenomena of the migration epoch since they depict the process of establishing the fragile balance with perspectives of its prolongation. The story of the Sartakovo conflict reveals the role of base processes (independent of the state authorities) in the life of the peasant society of Russia at the dawn of the 20th century.

REFERENCES

1. Frank, S. (1999) *Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914*. Berkeley: University of California Press.
2. Goryushkin, L.M. et al. (1985) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri 1861–1907 gg. Khronika i istoriografiya* [Peasant Movement in Siberia 1861–1907. Chronicle and historiography]. Novosibirsk: Nauka.
3. Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A. & Sagaydachnyy, A.N. (1986) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri. 1907–1914 gg. Khronika i istoriografiya* [Peasant Movement in Siberia. 1907–1914]. Novosibirsk: Nauka.
4. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX* [Siberian peasants at the turn of the century. Late 19th – early 20th cc.]. Novosibirsk: Nauka.
5. Okladnikov, A.P. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
6. Rezun, D.Ya. & Shilovskiy, M.V. (2005) *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, late 16th – early 20th cc.: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk: ID "Sova".
7. Razgon, V.N., Khramkov, A.A. & Pozharskaya, K.A. (2010) *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altay* [Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul: Altai State University.
8. Razgon, V.N., Khramkov, A.A. & Pozharskaya, K.A. (2013) *Stolypinskiye migranty v Altayskom okruge: pereselenie, zemleobespechenie, khozyaystvennaya i soitsokul'turnaya adaptatsiya* [Stolypin migrants in the Altai District: relocation, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: AZBUKA.
9. Churkin, M.K. (2001) *Pereselentsy i starozhily Zapadnoy Sibiri: prirodno-geograficheskie, sotsial'no-psikhologicheskie, etnopsikhologicheskie aspekty vzaimootnosheniy (v kontse XIX – nachale XX v.)* [The settlers and the old-timers of Western Siberia: the natural-geographic, socio-psychological and ethno-psychological aspects of the relations (late 19th – early 20th cc.)]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
10. Krott, I.I. (2010) *Sel'skokhozyaystvennoe predprinimatel'stvo: povedencheskie strategii i praktiki v usloviyakh transformatsii sibirskogo obshchestva (1914–1920 gody)* [Agricultural entrepreneurship: behavioral strategies and practices in the transformation of the Siberian society (1914–1920)]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
11. Litvak, B.G. (1989) *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1775–1904 gg. Istoriya i metodika izucheniya istochnikov* [The peasant movement in Russia in 1775–1904. History and methodology of the study of sources]. Moscow: Nauka.
12. Ben Eklof. (2008) [Review of:] Guadin Corinne. Ruling peasants: village and state in late imperial Russia. *American historical review*. June.
13. Mamsik, T.S. (2009) *Chausskoe Priob'e: naselenie i khozyaystvo: Opyt retrospektiv po materialam XVII–XIX vv.* [Chausy Ob: Population and Economy: Experience of retrospectives on materials of the 17th–19th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.
14. Mamsik, T.S. (2012) *Pervoposelentsy Novosibirskogo Priob'ya: Po materialam XVII–XIX vv.* [Settlers of the Novosibirsk Ob region: On materials of the 17th–19th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.
15. Dennison, T. (2011) *Institutional Framework of Russian Serfdom*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Il'inykh, V.A. & Nozdrin, G.A. (1995) *Ocherki istorii sibirskoy derevni* [Essays on the history of the Siberian village]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS.

Received: 24 November 2015